

**ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
“КОМПРОМИСС В ПРАВЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА
(ПЯТЫЕ БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)”
(г. Нижний Новгород, 29–30 мая 2014 г.)**

В конце мая 2014 г. внимание российской научной общности в очередной раз было приковано к Нижегородской области. В пятый раз гостеприимная нижегородская земля принимала участников ставших уже традиционными Бабаевских чтений. Перечень юридических феноменов, входящих в научное наследие акад. РАЕН и ПАНИ, доктора юрид. наук, проф. Владимира Константиновича Бабаева, в течение долгого времени будет оставаться ориентиром для новых поколений ученых-правоведов, способствовать выявлению наиболее актуальных в условиях современной России направлений исследования. Его идеи продолжают вызывать живой интерес как у специалистов в области теории государства и права, так и у представителей отраслевых юридических наук, оставаться лейтмотивом многочисленных научных конференций и иных научно-представительских мероприятий.

29–30 мая 2014 г. на базе Нижегородской академии МВД России, являющейся одним из ведущих региональных центров юридической мысли, известной своими научными традициями и инновационными разработками, под крышей которой сформировался уникальный коллектив ученых-правоведов, работы которых пользуются заслуженным уважением коллег и особенно востребованы юристами-практиками, были проведены очередные V Бабаевские чтения в формате Международной научно-практической конференции “Компромисс в праве: теория, практика, техника”.

Тематика конференции вызвала живой отклик в научной среде. География её участников позволяет утверждать, что слава Бабаевских чтений уже давно перешагнула межгосударственные границы. В обсуждении вопросов приняли участие ученые-правоведы из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Самары, Ярославля, Новосибирска, Владимира, Перми, Волгограда, Саратова, Воронежа и других российских городов, а также гости из ближнего зарубежья – ученые из Азербайджана, Республики Беларусь, Узбекистана и Украины.

Заведующий кафедрой истории философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филос. наук, проф. И.Д. Осипов в своем докладе “Проблема конфликто разрешения в русской философии политики и права” отметил, что понятие социального компромисса предполагает стремление социальных групп, различных партий к преодолению классовых, религиозных и межнациональных конфликтов, гражданской войны и революции. Особую остроту данная проблема получила в русской философии XIX – начала XX в., представленной в главных направлениях – консерватизме, радикализме и либерализме.

В российском консерватизме феномен компромисса и конфликто разрешения получил объяснение на основе как историко-культурных предпосылок данного феномена, так и особенностей менталитета россиян. Компромисс рассматри-

вался как изначальное состояние общества, которое должно быть сохранено в будущем.

Принципиально иным образом относился к социальным конфликтам в России радикализм. Компромисс выступал результатом социальной революции, в ходе которой общество освобождалось от классово чуждых элементов.

Идейной и практической альтернативой программ консерватизма и радикализма в России был либерализм. Не разрушение государства, а его совершенствование – таково было кредо либерализма.

Таким образом, в отечественной философии политики и права присутствует различное понимание социальных компромиссов. Если революционеры считали социальные конфликты необходимыми для прогресса и разрабатывали теорию и практику социальной революции, то консерваторы и либералы решительно осуждали сам революционный путь, выступая за стабильность государства и за постепенное преобразование общества. При этом отсутствие ценностного единства российской интеллигенции стало серьезным препятствием на пути достижения согласия в российском обществе и привело к революции и гражданской войне.

Директор Центра правовых исследований (г. Баку), доктор юрид. наук, проф. Х.Д. Аликперов рассмотрел компромисс как имманентное свойство уголовного права. Экскурс в историю права, констатировал он, показывает, что идея компромисса с отдельными видами правонарушений была заложена в таких правовых актах древности, как Законы Хаммурапи и Хеттские законы, Законы Ману и Законы XII Таблиц и т.д. В настоящее время во многих государствах, в том числе в России, институт компромисса есть составная часть многих отраслей законодательства. Х.Д. Аликперов подчеркнул, что компромисс является неотъемлемым структурным элементом права, т.е. его имманентным свойством. Исходя из этой парадигмы, докладчик отметил, что в современных условиях борьба с преступностью не может основываться только на силовом и бескомпромиссном методе; что бескомпромиссная борьба должна вестись не с преступностью, а строго избирательно с отдельными видами преступлений, иная форма борьбы с которыми не согласуется с морально-нравственными устоями общества и интересами безопасности личности, общества и государства; что компромисс в борьбе с преступностью допустим только на основе и в рамках закона, в котором должны быть определены процедура, категории и виды преступлений, а также круг участников преступлений, с которыми правоприменитель вправе идти на компромисс в обмен на их определенные позитивные поступки; что законодатель не должен быть однозначно категоричным при описании составов преступлений и санкций за их совершение, а при оценке поведения преступника и выборе ему вида и размера наказания должен

оставлять место для вариантов принятия решения правоприменительными органами.

Докладчик подробно остановился на анализе понятия компромисса, его признаках и видах, на функциях и механизме реализации института компромисса, а также на принципах, на основе которых допустим разумный компромисс в борьбе с преступностью.

Начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доц. В.И. Павлов выступил с докладом на тему *“Правовой компромисс в антропологической концепции права: инструментальная эффективность и этические границы”*. В.И. Павлов предложил исследовать правовой компромисс с позиции антропологической концепции права, которая выступает в качестве парадигмального основания общего учения о праве. Антропологическая концепция права как центральный элемент правопорядка рассматривает субъект права, взятый не в качестве абстрактной юридической сущности, а в качестве “правового человека”, т.е. фактически существующего в правовой реальности человека. В отличие от субъекта права как элемента правоотношения либо правонарушения, “человек-в-праве” рассматривается через опыт правового существования, выражающийся через концепт “практики правовой субъективации”. Последний представляет собой определенные правоповеденческие способы самообращения, воспроизводимые образцы существования, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение. С антропологической точки зрения компромисс в правопорядке оценивается, исходя не из его юридической эффективности, но из онтологического устройства этого правопорядка, в том числе из господствующих и фундирующих правопорядок практик правовой субъективации. Если, например, в основании правопорядка лежат практики, культивирующие существование правового события независимо от юридической эффективности (истина, правда, справедливость и т.п.), то повсеместное внедрение компромисса, которое само по себе может быть успешным лишь в правопорядках не онтологической, а конфликтологической, договорной природы (западная система права), вызовет неизбежный конфликт. Этическая граница насыщения компромиссом такого правопорядка определяется следующим образом: предоставлять разрешение юридически значимых ситуаций на основании уступок возможно лишь до тех пор, пока речь не идет о торговле ценностями, скрепляющими социальный порядок, как таковой.

Заведующий кафедрой теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Т.Н. Радько в своем выступлении *“Правовой компромисс и альтернативная форма разрешения юридических конфликтов”* отметил, что анализ сущности и содержания конфликта дает возможность не только понять предпосылки и условия его возникновения, предположить, к каким последствиям конфликт может привести, но также смоделировать механизм управления конфликтной ситуацией, определить пути и способы предотвращения и наиболее эффективного разрешения конфликтов в различных сферах жизнедеятельности государства и общества, в числе которых ученым констатируется необходимость, важность и эффективность компромисса.

Практика выработала несколько вариантов разрешения конфликтов. На одном из первых мест находится консенсус. Усиление консенсуализации юридических конфликтов предполагает последовательную реализацию согласительных процедур на основе использования специфических приемов, методов, характеризующихся толерантностью, компромиссно-

стью, сотрудничеством, обращением к интересам юридических контр субъектов и их значимым ценностям, вариативностью согласительных предложений.

Особое внимание Т.Н. Радько уделил компромиссности, предполагающей достижение особой договоренности между контр субъектами юридического конфликта, юридическими и физическими лицами, при котором консенсус между ними возникает в результате преодоления различных и противоположных мнений, поведенческих установок, достигнутых путем взаимных уступок, добровольного волеизъявления сторон и в рамках действующего закона.

Помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки В.М. Баранов сосредоточил свое внимание на *логико-гносеологических, морально-психологических, технико-юридических основаниях и границах недопустимости законодательного компромисса*. Докладчик отметил, что специального юридического анализа *недопустимости* законодательных компромиссов до сих пор не проведено: исследования концентрируются вокруг пределов их допустимости. Законодательный компромисс – итоговое официально оформленное государственное решение, согласованное между всеми кардинально противоборствующими субъектами правотворчества.

По мнению докладчика, недопустим законодательный компромисс, который прямо или косвенно разрушает природу человека. Компромисс достижим далеко не всегда, если предмет закона сугубо оценочный, спорный в морально-психологическом плане. Компромиссы в области веры и вероучения недостижимы, но это совсем не означает, что ислам, буддизм, христианство, иудаизм не могут быть союзниками в противодействии моральному растлению, распаду семьи, отказу от традиционных общечеловеческих ценностей.

Технико-юридически измерить вдохновение, талантливый порыв творческого человека невозможно, но овеществленный результат вдохновленного труда может выступить объектом целого ряда правоотношений.

Можно выдвинуть гипотезу: если против законопроекта высказывается 30% законодателей, то его не следует принимать и считать, что в законотворческом процессе достигнут компромисс. Если убежденных и активно действующих противников законопроекта более 1,5–2 млн. человек, то компромисс недостижим, и закон принимать нежелательно.

Компромисс не может и не должен быть критерием качества отдельного закона и тем более законодательства в целом. Недопустим с позиции современного демократического правосознания какой-либо законодательный компромисс с террористическими, радикальными экстремистскими движениями. При ином подходе эти социальные силы объективно ставятся в ряды полноправных субъектов законотворческой деятельности.

Об эффективности закона можно вести речь тогда, когда в нем “не отразился”, а *сознательно выразился*, грамотно технико-юридически оформился не любой компромисс, а *демократический консенсус* между государством, гражданским обществом, личностью, между волей большинства и свободой меньшинства. К разряду недопустимых, особенно в современных политико-правовых практиках, должны быть отнесены компромиссы, рожденные в *принудительном поле*, когда осуществляется “принуждение к согласию”.

Начальник ФКОУ ВПО “Самарский юридический институт ФСИН России”, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, генерал-майор внут-

ренной службы Р.А. Ромашов, обращаясь к феноменам конфликта и компромисса как социально-юридическим формам правовой коммуникации, отметил, что не имеет смысла противопоставлять конфликт и компромисс с точки зрения “плохой” – “хороший”. В различных обстоятельствах стороны, руководствуясь как объективными, так и субъективными причинами, выбирают тот или иной инструмент для обеспечения собственных интересов.

Конфликт и компромисс, если абстрагироваться от реальных событий и лиц, – это социально-юридические формы коммуникации. Необходимость упорядочения, классификации и систематизации норм, регламентирующих поведение субъектов, вовлеченных в конфликтные и консенсуальные отношения, обуславливает необходимость выделения в системе права двух относительно самостоятельных нормативных общностей: права конфликта и права компромисса/консенсуса.

Право конфликта основывается на следующих принципах: дифференциации субъектов на “своих” и “чужих” (с уничижительным отношением к интересам противоположной стороны); явными либо скрытыми формами агрессии в отношении противника; стремлением к реализации и защите собственных интересов за счет ущемления интересов контр-субъекта.

Право компромисса, в отличие от права конфликта, основывается на диалоге равных, свободных субъектов, уважающих права и интересы друг друга и на добровольной основе вступающих во взаимовыгодные консенсуальные отношения. Компромисс основан на принятии окончательного решения не в приказном (императивном), а в договорном порядке.

В докладе доктора юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ Ю.Е. Аврутина *“Административное судопроизводство как процессуальная форма поиска консенсуса в сфере публичного управления”* проблемы дефицита доверия населения к власти, отсутствия диалога и сотрудничества между гражданином и публичной администрацией были рассмотрены с точки зрения конфликта, одной из юридических форм которого выступает спор о праве (административный спор). По мнению докладчика, его преодоление связано с поиском консенсуса в публичном управлении, представляющего собой качественный результат реализации права граждан на надлежащее публичное управление, отражающий принципиальное признание населением его полезности, эффективности, эффективности. Обосновывая контуры многомерной модели движения в этом направлении, докладчик отметил, что, формируя судебные механизмы защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц от чиновничьего произвола, следует более активно и последовательно создавать условия, исключающие или сводящие к минимуму риск появления решений или действий (бездействий) органов и должностных лиц публичной администрации, нарушающих права, свободы и законные интересы участников административно-правовых отношений, что связано с совершенствованием процедурных форм публичного управления, а также развивая альтернативные средства разрешения споров, в основе которых лежит компромисс. Они, не имея властного содержания, предоставляют сторонам возможность на равноправной основе проявлять инициативу для разрешения возникших разногласий, приходя при этом к компромиссу или консенсусу. Докладчик подчеркнул, что различные процессуальные (процедурные) формы обеспечения баланса индивидуальных и публичных интересов являются реальными административно-правовыми инструментами, ориентированными на формирование режима законности и качества публичного управления, охрану и защиту прав и законных интересов граждан и юридиче-

ских лиц и через это – на поиск социального согласия между органами публичной власти и населением.

Начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юрид. наук, проф. В.А. Толстик в своем докладе *“Социальная и юридическая природа компромисса”* отметил, что на сегодняшний день в доктрине отсутствует адекватное понимание социальной и юридической природы анализируемого социального явления, не определен его статус в понятийно-категориальном аппарате современной науки, равно как место и роль в юридической науке и практике.

Обращено внимание на некорректность понимания компромисса исключительно в рамках конфликтологической парадигмы. Такой подход существенно ограничивает возможность адекватного определения объема понятия “компромисс”. Из него выпадают все те случаи бытия анализируемого явления, когда оно наличествует до конфликта либо вообще вне конфликта.

По мнению докладчика, по связи с правом вся совокупность существующих в социуме компромиссов может быть разделена на две большие группы: компромиссы, так или иначе опосредованные правом, и компромиссы, существующие автономно от правового регулирования.

Профессором В.А. Толстиком выделены три случая относительно самостоятельного опосредования компромисса правом: 1) в праве закрепляется идеальная модель социального компромисса, т.е. мера согласования противоречивых интересов, достигнутая в процессе правотворчества посредством установления правового статуса субъектов правоотношений; 2) право допускает компромиссный вариант поведения субъектов правоотношений для разрешения спорной ситуации с противоположными интересами, ценностями, стремлениями, мнениями участников. Допустимый правом компромисс определен как основанное на праве соглашение между субъектами правоотношений, достигнутое на основе их взаимных уступок; 3) компромиссное поведение правом запрещается. Это происходит тогда, когда компромиссное поведение субъектов права нарушает интересы личности, общества и государства. Такой компромисс является недопустимым (противоправным). Если стороны на него пойдут, они должны быть привлечены к юридической ответственности.

В докладе на тему *“Право как отражение стратегий сотрудничества и конфликта в социуме”* профессор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, доктор юрид. наук В.В. Трофимов обратил внимание на необходимость изучения социальной природы права через призму феномена “взаимодействие”. Явление взаимодействия представляет собой предельно конечную основу социального в целом, и социально-правового в частности. Анализ права именно в этой плоскости позволит, по мнению докладчика, выйти на понимание сущностных законов бытия права как социального явления. В подтверждение данной гипотезы автор доказательно обосновывает такую социально-правовую закономерность, как детерминированность права социальными феноменами сотрудничества и конфликта. Системы с кооперирующимися интересами обуславливают качество диспозитивности правовых норм с перспективными границами “возможного”; системы с конкурирующими интересами определяют качество императивности правовых норм, обеспечивающих социальное соперничество рамками “допустимо должного”. Следствием социальной солидарности является воспроизведение нормативов, предоставляющих возможность действовать свободно, без принуждения. К этим отношениям объективно применимы нормы управомочивающего либо рекомендательного характера, позитив-

ные (стимулирующие) правовые средства. В свою очередь, возникающие в ходе конфликтного взаимодействия нормы несут, как правило, императивный характер. Главный смысл императивных норм, негативных (ограничивающих) правовых средств – зафиксировать статус конфликтующих субъектов, определить четкую дистанцию между ними и тем самым обеспечить должную упорядоченность в данной системе взаимодействия. Сотрудничество и конфликт – это две базовые амбивалентные стратегии социально-правовой жизни, которые находят закономерное отражение в существенных свойствах (природе) права, его внутреннем строении.

Профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук Л.А. Морозова сделала доклад на тему *“Баланс публичных и частных интересов как средство достижения компромисса в праве”*. Она отметила, что право как общесоциальное явление предназначено не только разрешать конфликты, возникающие между участниками правового общения. Одновременно оно выступает средством достижения компромисса между конкурирующими интересами. Одним из средств обеспечения такого рода компромисса служит баланс публичных и частных интересов.

Профессор Л.А. Морозова сделала вывод, что баланс публичных и частных интересов не носит абсолютного характера, не представляет полного равенства указанных интересов. Более того, такое равенство условно, так как отдельные граждане, отдельные общности людей никогда не могут быть равны государству как властно-политической организации, обладающей к тому же разнообразными средствами и ресурсами принуждения, что ставит государство над обществом. Поэтому обоснованно использовать такую терминологию, как “справедливый баланс интересов”, “разумный баланс интересов”, “рациональное сочетание публичных и частных интересов” и т.д., имея в виду, что полного равенства такого рода интересов не может быть в принципе.

Докладчица поддержала идею признания принципа баланса публичных и частных интересов в качестве общеправового, основополагающего принципа, который должен соблюдаться во всех отраслях права при реализации различных видов юридической деятельности, в частности при осуществлении правотворчества, правоприменения, контрольной и надзорной деятельности, при толковании норм права и нормативных правовых актов, при принятии решений Конституционным Судом РФ, постановлений Пленумом Верховного Суда РФ, при осуществлении функций правосудия.

Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юрид. наук, доц. М.Л. Давыдова затронула тему *компромисса в правотворчестве как проявления принципа разумности*.

Компромисс представлен докладчиком как явление, неразрывно связанное с сущностью и содержанием права. Процесс правотворчества может признаваться успешным в том случае, когда достигнуты социальный компромисс (внутри правящей элиты, а также между правящей элитой и различными социальными силами, представляющими гражданское общество) и компромисс юридический. Последний фактически есть компромисс между осознаваемой законодателем целесообразностью обновления и готовностью правовой системы безболезненно воспринять изменения, органично включив в себя новеллу. Предметом исследования в процессе поиска социального компромисса выступает само общество, интересы и притязания социальных сил, потенциально затрагиваемых нормой. Юридический компромисс требует изучения состояния права.

В качестве примеров отсутствия подобного компромисса докладчица анализирует ряд новейших законов. Еще до вступления их в действие эксперты прогнозируют проблемы с толкованием ключевых терминов, отсутствием четких процедур реализации и другие юридические сложности, которых можно было бы избежать, проведя предварительную работу по поиску оптимальных решений.

Бескомпромиссность, с которой подобные инициативы внедряются в жизнь, заставляет делать ставку на принудительность в действии правовых норм, переносить акцент в регулировании с общего правила на правоприменительное решение и в конечном счете приводит к деградации права. Юридический компромисс в качестве альтернативы такой “борьбы с правовой системой” выступает не демонстрацией слабости со стороны законодателя, а закономерным проявлением принципа разумности.

Заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала НИУ “Высшая школа экономики”, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, акад. РАЕН, член РАЮН П.Н. Панченко затронул проблему *принципа законности в уголовном праве в традиционном его понимании и допускаемого законом тактического компромисса как основания его понимания в особом смысле*. Докладчиком, в частности, были проанализированы особенности принципа законности в условиях допускаемого уголовным законом тактического компромисса государства с обществом – по поводу совершаемых уголовно-правовых деяний и ответственности за них, государства с лицами, совершающими или уже совершившими такие деяния, – по поводу их вины, ответственности и наказания, а также одного государства с другим – по поводу выдачи совершившего такое деяние лица.

Сам уголовно-правовой компромисс трактуется при этом как отказ государства от уголовно-правового реагирования на формально запрещенное уголовным законом деяние или смягчение такого реагирования в случае, если такое деяние совершено с целью разрешения конфликта интересов, который иным способом разрешить не представляется возможным. Речь идет, например, о случаях совершения деяний небольшой или средней тяжести, которые к тому же совершены лицом впервые. Профессором П.Н. Панченко внесены предложения относительно оптимального восполнения пробелов уголовно-правового регулирования отношений в целях достижения компромиссного их состояния, совершенствования соответствующих уголовно-правовых норм и практики их реализации. В частности, предлагается дополнить систему обстоятельств, исключаящую преступность деяния, нормой о компромиссе в условиях конфликта интересов, а также принять комплекс нормативных правовых актов по вопросам взаимного влияния национального и зарубежного уголовного права и национального и международного уголовного права.

Профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юрид. наук Г.Н. Горшенков посвятил выступление проблеме *компромисса в “бескомпромиссной борьбе” с преступностью*.

“Борьба” есть столкновение противоположных интересов. Цель её – приобретение господства одних интересов над другими. При этом интересы криминала находятся в непримиримом противоречии с интересами легалистского общества. Поэтому борьба с преступностью рассматривается как бескомпромиссная.

Политическая идея бескомпромиссной борьбы вырабатывается и провозглашается на высшем уровне государственного управления. На низшем уровне эта идея “перера-

батуется” механизмом исполнительно-распорядительной деятельности в соответствии с реальным объектом управленческого воздействия – частными проявлениями коррупции или коррупционными преступлениями и их причинами и условиями. А это означает неизбежность обращения к компромиссу. Таким образом, как это ни парадоксально, идея бескомпромиссной борьбы с преступностью реализуется как раз с помощью компромисса. Такой компромисс можно назвать как межсистемный, т.е. имеющий место между противоположными (криминальной и антикриминальной) системами.

Аналогично возникает вопрос о внутрисистемном компромиссе, т.е. между подсистемами системы борьбы с преступностью, их представителями: политиками, практическими управленцами, теоретиками и т.д., взаимодействие которых неизбежно связано с конфликтом. Например, такой конфликт возникает на пути признания деяния как не содержащего преступности в отношении оперативного работника, вынужденно причинившего вред правоохранительным интересам при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Компромисс по силе тому, кто не просто стоит на букве закона, но и проникается его духом.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юрид. наук М.В. Баранова акцентировала внимание на законодательных ограничениях как средстве достижения правового компромисса. Она отметила, что поиск новых путей противодействия нарушению прав граждан ненадлежащей рекламой весьма актуален для современной российской действительности и связан с необходимостью поиска компромисса между обусловленным необходимостью упорядочения отношений стремлением государства ограничить спектр дозволенного и естественным желанием социума, отдельных бизнес-групп расширить пределы правовых дозволений. Компромисс является результатом договоренности с формальным противником. При этом разница во взглядах сохраняется, но ею поступаются во имя результата – устранения конфронтации, прекращения конфликта. Однако и компромисс, и конфликт обладают ценностью, так как это – равновесные средства активного, но не всегда позитивного развития социума, правовой реальности. Любая коммуникация является “полем” для конфликта и компромисса. Характер рекламной деятельности определяет специфику поведения и возникающие в процессе отношения. Рекламная деятельность обладает ярко выраженной спецификой, которая обуславливает своеобразие нормативно-правовой регламентации. Рост законодательных ограничений в сфере регламентации рекламной деятельности свидетельствует о попытках достижения компромисса между стремительно развивающимся бизнесом и интересами социума и государства. Компромисс, выраженный языком юридических норм, нацеленный на урегулирование конфликта в динамичной рекламной отрасли, может оказаться недолговечным, и новые экономические и социокультурные реалии приведут к новому витку конфликта, который, в свою очередь, разрешится через процесс аккомодации при условии толерантности сторон новым правовым компромиссом.

Доцент кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук С.В. Липень рассмотрел компромисс как категорию теории государства и права. Им отмечалось, что категории составляют основу теории государства и права как системы знаний; компромисс, понимаемый как разрешение некоей конфликтной

ситуации путем взаимных уступок, также является одной из категорий юридической науки. Осмысление процессов возникновения и развития системы категорий необходимо для познания закономерностей развития юридической науки. Можно указать на следующие основные методологические аспекты исследования категорий юриспруденции: значение и общенаучный смысл той или иной категории, момент ее возникновения, историческое развитие, взаимодействие с другими категориями, степень использования в отраслевых дисциплинах, в законодательстве и практической юридической деятельности. Компромисс как юридическая категория известен в отечественной правовой науке с XIX в. Вплоть до начала 90-х годов XX в. он использовался лишь эпизодически. В современных отраслевых юридических исследованиях он находит разное применение (в зависимости от сложившихся традиций анализа конкретных проблем). В теории государства и права категория “компромисс” используется в основном в исследованиях в рамках юридической конфликтологии (в том числе как парные категории “компромисс” – “конфликт”) наряду с иной аналогичной терминологией (консенсус, согласие, примирение и др.).

Профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор юрид. наук, доц. С.Б. Поляков в выступлении, посвященном *правовому компромиссу в правоприменении*, отметил, что при отрицании отеческого правления примирительные процедуры, не ущемляющие чьих-либо прав и обязанностей, являются безусловной ценностью; будучи направленными против иных лиц и не разрешенными законом – очевидным злом. Вопрос – в отделении первых от вторых, решение которого заключается в определении интересов и критериев деятельности того, кто решает этот вопрос, т.е. правоприменителя.

По мнению докладчика, особенно актуальным представляется ограничение усмотрения правоприменителя при примирительных процедурах в уголовном судопроизводстве, в котором правоприменитель субъективно заинтересован в показателях отчетности борьбы с преступностью (прекращенные дела – отрицательный показатель) и в сокрытии незаконного уголовного преследования навязыванием невинному соглашению с прекращением дела по нереабилитирующим основаниям.

Во-первых, вместо права, не ограниченного ясными фактическими обстоятельствами, должна быть установлена обязанность правоприменителя реализации примирения потерпевшего и обвиняемого при наличии установленных в законе фактов и при отсутствии нарушения прав точно определенных лиц, которые должны обязательно указываться в решении об отказе в прекращении дела в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого.

Во-вторых, необходимо установление процедуры, подобной гл. 40.1 УПК РФ, для иных форм компромиссов в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях, ограничивающей использование компромиссов правоприменителями в ведомственных интересах с ущемлением прав лиц, вводимых в заблуждение относительно последствий заключаемых ими соглашений, а также порядка обжалования нарушений таких процедур и защиты прав лиц, нарушенных недобросовестными соглашениями в уголовном судопроизводстве.

Заведующая кафедрой правовых дисциплин Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, доктор юрид. наук, проф. Т.В. Худойкина рассмотрела *компромиссное разрешение юридического конфликта*. Она отметила, что компромисс как один из наиболее разумных вариантов разрешения юридических конфликтов – это согла-

шение, достигнутое путем договоренности между сторонами непосредственно либо с помощью третьих лиц, состоящее в достижении взаимоприемлемых правомерных уступок субъектов конфликта. Такое соглашение должно быть обусловлено не только факторами приемлемости его всеми сторонами, но и формальным непротиворечием законодательным актам.

Компромиссное разрешение противоборства в правовой сфере может достигаться с помощью таких примирительных (компромиссных) процедур, как переговоры, согласительные комиссии, претензионный порядок, посредничество (медиация), третейское разбирательство, мировое соглашение и др.. Примирительные (или негосударственные, альтернативные) процедуры не являются разновидностью правосудия. Большая часть из них применяется вне судебной системы. Как модель судебной примирительной процедуры можно рассматривать заключение сторонами мирового соглашения в суде. В российском праве нет легального (законодательного) определения данного института. Докладчицей было предложено следующее определение: мировое соглашение – это волеизъявление сторон, заключающееся в виде договора об условиях разрешения спора (конфликта) на основе взаимных уступок.

Юридическая сфера имеет сложный, неоднородный характер, поэтому не всегда приемлемыми могут быть компромиссные решения (в отдельных случаях восстановление нарушенного права, неисполнение обязанностей требуют принятия императивных мер). Но даже если компромисс не способен разрешить все противоречия и удовлетворить основные интересы сторон, он может быть применен как промежуточный вариант. Поэтому в сложных современных условиях роль компромиссного разрешения юридического конфликта, очевидно, возрастает.

Профессор Научно-исследовательского института противодействия коррупции Института экономики, управления и права, доктор юрид. наук, доц., директор НИИ противодействия коррупции (г. Казань) П.А. Кабанов рассмотрел *проблему использования компромиссов при реализации антикоррупционного законодательства Российской Федерации.*

Современное российское антикоррупционное законодательство за совершение служебных коррупционных дисциплинарных проступков государственными (муниципальными) служащими предусматривает безальтернативное наказание – увольнение с государственной (муниципальной) службы либо освобождение от занимаемой (замещаемой) должности.

Проведенный нами анализ официальных данных за период 2011–2013 гг. показал, что государственными и муниципальными служащими было совершено 955 коррупционных проступков. При этом только за 394, или 41,3%, из них виновные были привлечены к различным видам дисциплинарной ответственности, а трое, или 0,31%, уволены с государственной (муниципальной) службы в связи с утратой доверия. На наш взгляд, массовость коррупционного поведения является одной из причин, препятствующей использованию такой радикальной меры дисциплинарной ответственности за коррупционные проступки, как увольнение с государственной (муниципальной) службы в связи с утратой доверия. Такое положение дел только в одном регионе наталкивает на ряд сложных и теоретически не разработанных вопросов в сфере противодействия коррупции. Во-первых, каковы правовые основания для применения компромисса в сфере противодействия коррупции? Во-вторых, каковы пределы допустимости компромисса в противодействии коррупции? В-третьих, как соотносятся такие категории, как “компромисс в противодействии коррупции” и “попустительство по

службе”? В-четвертых, как сделать так, что бы компромисс при осуществлении противодействия коррупции не перерастал в массовое попустительство коррупционерам?

Профессор кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктором юрид. наук В.В. Богатырёвым был поднят вопрос о *расширении международной деятельности субъектов федерации как компромиссе в сохранении государственного суверенитета.* Докладчик высказал точку зрения, согласно которой данное явление объективно обусловлено происходящими процессами глобализации. Федеральные государства вынуждены считаться со стремлением субъектов федераций расширить свою самостоятельность и для снижения вероятности возникновения сепаративных тенденций в них законодательно расширяют возможности субъектов в международной деятельности. При этом суверенитет как особое качество “верховенства государства на своей территории и независимости в международных отношениях” будут сохраняться до тех пор, пока его количественные показатели, которые отождествляются с суверенными правами, не будут исчерпаны их субъектами. В.В. Богатырёв привел примеры нормативного регулирования имеющих место компромиссов в нормативно-правовой базе ФРГ, США. Им были проанализированы нормативные правовые акты о международной деятельности субъектов Российской Федерации как на уровне федерации, так и на примере нормативных актов Владимирской области. Докладчик пришел к выводу, что во всех федеративных странах мира (и в России в том числе) при наделении правами в международном пространстве субъектов федерации предусматривается жёсткий контроль федеральной власти за этой деятельностью, и любое государство выступает категорически против наделения их международной правосубъектностью, так как это противоречит главному признаку государства – государственному суверенитету. В.В. Богатырёв считает, что появление даже отдельных элементов международной правосубъектности по сути влечет за собой исчерпание количественного параметра государственного суверенитета – суверенных прав и (как итог) – прекращение существования государства, как такового, и формирования на его территории других государственных образований.

Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юрид. наук, проф. И.Д. Борисова в выступлении “*Компромисс как средство государственного строительства в Закавказье в 1917–1922 гг.*” отметила, что после Октябрьской революции 1917 г. произошли глубокие общественно-политические перемены в Закавказье, где народы оказались под контролем и властью меньшевиков, эсеров, дашнаков и мусаватистов, не говоря о присутствии в этом регионе иностранных держав. При наличии объективных национальных и политических противоречий между Азербайджаном, Грузией и Арменией их объединяло стремление к установлению своего суверенитета и ярко выраженные антирусские настроения, что легло в основу компромисса между ними на начальном этапе государственного строительства. С целью государственно-правового обособления Закавказского края от России созданный 10(23) февраля 1918 г. Закавказский сейм 22 апреля 1918 г. провозгласил Закавказье “независимой федеративной республикой”. Объявленная ЗНФР оказалась аморфным государственным объединением, правители которого не смогли выработать конституционно-образующего документа. Раздираемое национальными, территориальными и политическими противоречиями, это государственное единение распалось уже 25 мая 1918 г.

Вторым этапом использования компромисса в государственном строительстве в Закавказье явилось создание 12 марта 1922 г. Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФССРЗ), а затем Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР) 13 декабря 1922 г., которая просуществовала до февраля–марта 1937 г. Достижение данного компромисса было обусловлено установлением однородных политико-правовых отношений как внутри каждой закавказской республики, так и в межгосударственных отношениях, причем гражданско-правовой аспект этих отношений в значительной степени превалировал над публичным. Именно этот факт, на наш взгляд, и придал “второй” федерации более устойчивую форму по сравнению с “первой”.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, канд. юрид. наук **А.В. Парфенов** посвятил свое выступление *пределам правового компромисса*. Он отметил, что одним из наиболее любопытных явлений, возможности и перспективы использования которого в правовой сфере продолжают оставаться во многом недооцененными, является правовой компромисс. Исходя из того, что реальная социальная адекватность предполагает закрепление в законе результата согласования интересов субъектов, умение правотворческого органа найти “золотую середину”, докладчик констатировал, что её нахождение связано в первую очередь с проблемой определения “пределов” правового компромисса, границ, в рамках которых он выступает эффективным инструментом регулирования общественных отношений. Представленный им краткий исторический экскурс, отражающий достижения юридической науки и практики в этой области, охватывающий период от Древнего Рима до наших дней, позволил утверждать, что проблема пределов правового компромисса продолжает оставаться малоисследованной. В этой связи докладчик представил следующий вариант её решения. В первую очередь им предложено прояснить интересы и желания сторон. Далее посредством их “наложения” следует определить область совпадения интересов. Её рамки будут выступать пределами потенциально возможного компромисса. Четкими границами пределов правового компромисса должны выступать “точки отказа” субъектов. К ним следует отнести потенциально возможный минимальный объем интересов каждого из них, последующее уменьшение которого делает компромисс невыгодным. Внутри этих границ формируется “зона компромисса”. Именно в ней субъекты могут найти взаимоприемлемое решение. Выдвигая собственные предложения, выслушивая доводы оппонентов, уточняя свои позиции, стороны движутся навстречу друг другу. Итоговое решение сторон найдет внешнее выражение в “точке согласия”. В зависимости от совокупности различных факторов она может находиться строго в центре “зоны компромисса” либо отклоняться от неё.

Профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского кампуса (филиала) НИУ ВШЭ, канд. юрид. наук **В.А. Сивицкий** акцентировал внимание на *балансе конституционных ценностей как предмете и методе деятельности Конституционного Суда РФ*. Докладчик констатировал, что чем выше уровень правового регулирования, тем больше компромисс интересов, сохраняя свою внутреннюю сущность, приобретает внешнюю форму баланса конституционных ценностей.

Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность нормы, прежде всего сопоставляет, насколько она вписыва-

ется в конституционную модель баланса ценностей. Он не формирует этот баланс, но оценивает, соблюдены ли его конституционные параметры законодателем, т.е., отвечает ли достигнутый компромисс конституционным требованиям. При этом он формирует правовые представления о должном и недолжном отображении в правовом регулировании баланса конституционных ценностей, выдавая эти представления в качестве своих правовых позиций.

Докладчиком были проанализированы правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно баланса конституционных ценностей, рассмотрены формы проявления оценки баланса конституционных ценностей на разных стадиях прохождения обращения в стенах Конституционного Суда – от рассмотрения вопроса о принятии обращения к рассмотрению до формулирования резолютивной части решения. В контексте методологии оценки баланса конституционных ценностей В.А. Сивицкий были оценены процессуальные формы деятельности Конституционного Суда РФ.

В выступлении доцента кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, канд. юрид. наук **В.В. Мамчуна** на тему *“Риск и компромисс в праве. Риски компромиссов”* оспаривается наблюдающаяся в публикациях тенденция рассмотрения компромисса в исключительно аксиологическом ключе. Признание наличия у компромисса инструментальных характеристик и возможности его ценностной интерпретации не исключает в ряде случаев того, что их применение не только разрешает проблемы, но порождает новые. Компромиссы обладают рискогенностью, а степень риска, возникающего вследствие компромиссного соглашения (решения), может служить в качестве критерия допустимости самого компромисса в праве. Взаимосвязь рассматриваемых феноменов выражается в трех аспектах: 1) компромисс как средство управления риском; 2) компромисс как риск; 3) риск как результат компромисса. В первом компромисс выступает средством, позволяющим минимизировать риски, распределить их неблагоприятные последствия. Второй наиболее ярко проявляется в тех случаях, когда само компромиссное соглашение, принимаемое для разрешения социальной проблемы, основывается на рискованном решении. В качестве печального примера – ситуация на Украине, в определенной степени спровоцированная соглашением В. Януковича и оппозиции, представлявшим собой компромисс между требованием законности и политической целесообразностью. Пример третьего – компромисс между государственным суверенитетом и глобальной (региональной) международной правовой системой, основанной на “балансе сил”, который грозит утратой государственного суверенитета, а включение в его систему двух практически взаимоисключающих принципов: принципа права наций на самоопределение и принципа государственного суверенитета и территориальной целостности, порождает неопределенность в вопросе об их верховенстве и, как следствие, является мощнейшим фактором риска в полиэтнических государствах.

Обзор материалов конференции подготовили:

В.А. Толстик, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юрид. наук, проф.;

А.В. Парфенов, доцент той же кафедры Нижегородской академии МВД России, канд. юрид. наук.